

НОНСЕНСЫ Д. ХАРМСА И Э. ЛИР

Статья посвящена исследованию нонсенса, активно используемого в литературе абсурда. Рассмотрены особенности нонсенсов Д. Хармса, который продолжает традицию Э. Лира. Д. Хармс, как и Э. Лир, отказывается от традиционных форм искусства, ищет новые методы изображения действительности при помощи семантической бессмыслицы, алогизма и поэтики абсурда, за которой скрываются латентные страхи перед дисгармоничной реальностью.

Ключевые слова: нонсенси, абсурд, Д. Хармс, Э. Лир.

Нонсенси (англ. «nonsense», от лат. «non» — «нет» и «sensus» — «смысл») — высказывание, лишённое смысла, отсутствие смысла, бессмыслица, логическая ошибка, активно используется в литературе абсурда, которая в процессе лингвистической и логической игры раскрывает бессмысленность, парадоксальность, нелепость привычных жизненных установок, стереотипов, правил и законов. Нонсенси, по словам О. Хаксли, «как и высокая поэзия, с которой он весьма тесно связан, как философские построения, как всякое создание фантазии, отстаивает духовную свободу человека перед лицом всех угнетающих обстоятельств»¹.

Исследователь феномена «драмы абсурда» М. Анищенко считает, что его тематика «обусловлена развитием истории XX века, поставившей под сомнение понятия гуманизма и прогресса»², и ссылается на Э. Ионеско, который отметил: «Утратив свои религиозные и метафизические корни, человек потерялся в этом мире, все его существование оказалось бессмысленным, бесполезным»³.

Поэтому в первые десятилетия прошлого столетия особенно востребованным оказалось наследие английского поэта Эдварда Лира (1812–1888). «Гений нонсенса», «Верховный Перипатетический Осел и Главный Белибердяй страны», как называл себя Э. Лир, был основателем литературы абсурда. О. Хаксли в статье «Эдвард Лир» (1923) проникательно заметил: «Лир — подлинный поэт. <...> Льюис Кэрролл писал бессмыслицу, преувеличивая смысл, — некую избыточную логичную логику. Игра его слов интеллектуальна. Лир, поэт по преимуществу, творил бессмыслицу из избытка лирического воображения, он играл словами ради одного их звучания и блеска. Его нонсенси — более чистый образец жанра, поскольку он более поэтичен»⁴.

Высоко оценивал Эдварда Лира и С. Маршак, который признавался: «Сейчас разговляюсь стихами. Для разбега перевожу стихи Эдварда Лира, родоначальника английской детской поэзии, первого создателя жанра “нон-

сенс” — “чепушистых” стихов. Это — просто прелесть! Столько в его книгах причуды, выдумки, душевной чистоты. И при этом Эдвард Лир один из самых музыкальных поэтов». И ниже: «Переводить Лира очень трудно. Нелегко передать его разнообразный, гибкий ритм и мелодичность его стихов, воспроизвести на другом языке причудливую вереницу его образов. И все же я работал над переводами из Лира с живейшим интересом и удовольствием. Мне хотелось донести до моих читателей ту веселую игру, которая составляет сущность поэзии Эдварда Лира»⁵.

Философские и художественные искания XX в. в ситуации истощенности классической парадигмы познания и господства онтологического нигилизма породили недоверие к рационалистическому мышлению и стремление отыскать новые способы осмысления мира и человека. Подобными поисками занимались обэриуты, авторитеты бессмыслицы, входившие в состав ОБЭ-РИУ (Объединения реального искусства), Д. Хармс, А. Введенский, Н. Заболоцкий, К. Вагинов и др. Отказавшиеся от традиционных форм искусства, они культивировали поэтику абсурда и самоценность слова, очищенного от шелухи традиционных смыслов.

Среди обэриутов, поэтов «нового мироощущения и нового искусства», особое место принадлежит Даниилу Хармсу (Даниил Ювачев: 1905–1942), который признавался в 1937 г.: «Меня интересует только “чушь”; только то, что не имеет никакого практического смысла. Меня интересует жизнь только в своем нелепом проявлении. Геройство, пафос, удадь, мораль, гигиеничность, нравственность, умиление и азарт — ненавистные для меня слова и чувства. Но я вполне понимаю и уважаю: восторг и восхищение, вдохновение и отчаяние, страсть и сдержанность, распутство и целомудрие, печаль и горе, радость и смех»⁶.

Основополагающий принцип Хармса, согласно определению В. Сажина, — тотальная инверсия. «Суть этого принципа во всеобщей смене знака: жизнь, все посястороннее, природа, чудо, история, наука, личность — ложная реальность; потустороннее, смерть (небытие), неживое (камень), безличность — истинная реальность. Разумеется, эта переклассификация явлений внутренне противоречива, если не драматична»⁷. И далее: «...эта инверсия сопрягается с другим свойством хармсовской творческой манеры (усвоенной им еще у своих ранних эстетических авторитетов, художников М. Матюшина и К. Малевича): с постоянным смещением (сдвигом) элементов текста, вследствие чего решающую роль в его интерпретации, наряду с теми или иными “ключами”, приобретает интуиция»⁸.

Хармса заботила в первую очередь «чистота порядка», которую обеспечивает он в качестве творца мира, творца первой реальности: «Когда я пишу стихи, то самым главным кажется мне не идея, не содержание, и не форма, и не туманное понятие “качество”, а нечто еще более туманное и непонятное рационалистическому уму, но понятное мне <...>, это чистота порядка. Истинное искусство стоит в ряду первой реальности, оно создает мир и является

его первым отражением. Оно обязательно реально»⁹. Поэтому так закономерно, что Хармс приходит в детскую литературу, используя дискурс ребенка, открывающего для себя новый мир.

Ноты абсурда и бессмыслицы Хармс вносил в свои детские стихотворения с начала 1920-х гг. — «О том как иван иваныч попросил и что из этого вышло» (с посвящением Тылле и восклицательному), «От бабушки до Esther», «Наброски к поэме “Михаилы”», «Землю, говорят, изобрели конюхи», «Кика и Кока» и др. Поэт особенно гордился алогичным стихотворением «Иван Торопышкин» (1929). В 1931 г., давая показания по делу о вредительстве в детской литературе, он признавался: «К наиболее бессмысленным своим стихам, как, например, стихотворению “О Торопышкине” я отношусь весьма хорошо, расценивая их как произведения качественно превосходные. И сознание, что они неразрывно с моими непечатающимися заумными произведениями, приносило мне большое внутренне удовлетворение...»¹⁰

Среди «заумных» прозаических сочинений Хармса выделим произведения «стариковской» тематики — «Как старушка покупала чернила» (1929), «Смерть старичка» (1935–1936), «Вываливающиеся старухи» (1939), «Старуха» (1939). В них соединены категории смешного, абсурдного, бессмысленного и высмеиваются человеческие инстинкты и глупость, цинизм и неспособность к сочувствию, а центральные образы образуют систему символов, говорящих о гибели человека прошлой эпохи.

«Дух поэтического безумия и поэтической непредсказуемости в стихах Хармса, предназначенных для детей, не умирал никогда. Он жив и во многих вещах начала 1930-х годов, например, в гениальном “Вруне”»¹¹; он приобретает характер трагического абсурда во взрослых стихотворениях «Постоянство веселья и грязи» (1933), «Подруга» (1933), «Обращение учителей к своему ученику графу Дэкону» (1934), абсурда ужаса — в стихотворении «Жил-был в доме тридцать три единицы...» (1933).

В поэтическом мире Д. Хармса, который окончательно сложился к началу 1930-х гг., представлена дисгармоничная вселенная, полная нелепостей и бессмыслицы. Это было не столько отражение реальности, сколько ее новое художественное измерение.

Нонсенсы Д. Хармса, по его собственному признанию, продолжают традицию, которая была заложена английским поэтом Э. Лиром. В 1937 г. он составил таблицу своих любимых писателей, в которой отметил, что дал этот автор человечеству вообще и лично ему, Д. Хармсу. Он отвел Э. Лиру пятое место из шести, и рядом с именем поставил цифры 42 и 59, т. е. оценил значение Лира в своей судьбе очень высоко, гораздо выше, чем его влияние на человечество в целом. (Для сравнения: Гоголь, занимающий первое место в этой таблице, по мнению ее составителя, подарил как человечеству, так и ему самому 69 условных единиц¹².)

Первые нонсенсы Э. Лира обращены к детям графа Дерби, в имении которого он прожил четыре года. Бессмысленные стишки были написаны по об-

разду книги «Приключения пятнадцати джентльменов» (1820) и позже вошли в миниатюрную книжечку «*A Book of Nonsense*» («Книга нонсенса») (1846) — сборник забавных пятистиший с авторскими иллюстрациями. В 1870-е гг. появилось еще три стихотворных сборника нонсенсов: «Нелепые песни, рассказы, ботаника и азбуки» (1870), «Новые нелепые стихи, рисунки, ботаника и так далее» (1872), «Щекотливая лирика» (1877). Герои Лира — странные люди, эксцентрики, чудачки, часто старики и старушки, нарушающие общепринятые правила поведения и не боящиеся быть самим собой, смеющиеся над смертью, но вместе с тем сигнализирующие читателю об одиночестве, усталости, болезнях их автора. Лимерическим героям Лира, как точно заметил О. Хаксли, всегда противопоставлены «Они» — «это все на свете, это “средний человек”, “они” — это то, что в передовицах дешевой прессы называли бы “Все здравомыслящие Мужчины и Женщины”. “Они” — это Общественное мнение»¹³. В лимериках Лира складывается особая картина дисгармоничного мира, в котором идет постоянная борьба между личностью и обществом, между эксцентриком и толпой. За внешней абсурдностью — глубокий смысл, раскрываемый с использованием оригинальных поэтических средств: Э. Лир играет рифмами, придумывает неожиданные неологизмы, использует литоту.

Д. Хармс, как и Э. Лир, отказывается от традиционных форм искусства, ищет новые методы изображения действительности при помощи семантической бессмыслицы, алогизма и поэтики абсурда, за которой скрываются латентные страхи перед дисгармоничной реальностью.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Хаксли О. Эдвард Лир // Писатели Англии о литературе. М.: Прогресс, 1981. С. 339–341. С. 339.

² Анищенко М. Г. Драма абсурда. М.: ГИТИС, 2011. 312 с. С. 8.

³ Там же.

⁴ Хаксли О. Указ. соч. С. 339.

⁵ Хлебникова Л. Кто такой Эдвард Лир и почему его называли гением нонсенса [Электронный ресурс] // Школа жизни. Познавательный журнал [сайт]. URL: <https://shkolazhizni.ru/biographies/articles/31062/> (дата обращения: 03.05.2020).

⁶ «Меня интересует только «чуть»: Даниил Хармс — гений «черного юмора» и «литературы абсурда» [Электронный ресурс] // Культурология.РФ [сайт]. URL: <https://kulturologia.ru/blogs/150817/35629/> (дата обращения: 03.05.2020).

⁷ Сажин В. Н. Приближение к Хармсу // Хармс Д. Цирк Шардам. СПб.: Кристалл, 2001. С. 5–10. С. 10.

⁸ Там же.

⁹ Шубинский В. Даниил Хармс. Жизнь человека на ветру. М.: АСТ: CORPUS, 2015. 576 с. С. 300.

¹⁰ Там же. С. 277–278.

¹¹ Там же. С. 289.

¹² Там же. С. 415.

¹³ Хаксли О. Указ. соч. С. 340.

Lenkova, N. R.

Bashkir State University

NONSENSE OF D. HARMS AND E. LEAR

The article is devoted to the study of nonsense, used in the literature of the absurd. Features of the nonsense of D. Harms, which continues the tradition of E. Lear, are considered. D. Harms, like E. Lear, rejects traditional forms of art, searches for new methods of depicting reality with the help of semantic nonsense, alogism and the poetics of absurdity, which conceal latent fears of disharmonious reality.

Keywords: nonsense, absurdity, D. Harms, E. Lear.